

Глава 4

Возвращаясь с работы в обед, Шэнь Яньчжоу по пути заглянул на рынок за овощами. Едва он толкнул калитку, как увидел развешанное во дворе бельё, с которого ещё стекала вода.

На звук открываемой калитки из кухни вышел Юй Пань. Взгляд его тут же упал на свиную грудинку в руках Шэнь Яньчжоу, и глаза мальчика загорелись. Он принялся кружить вокруг брата.

— Ты у меня как тигрёнок, — с улыбкой упрекнул его мужчина и, набрав ковш воды, ополоснул руки. — Рис уже сварил?

Юй Пань кивнул.

«Только что поставил на пар, и ты как раз пришёл»

— Значит, я вернулся вовремя, — Шэнь Яньчжоу вытер руки и, придвинув к порогу кухни низенькую скамеечку, сел чистить овощи.

Здесь хозяйки варили рис особым способом: сначала доводили до полуготовности в воде, а затем откидывали в бамбуковую корзину и ставили обратно в котёл, чтобы довести до готовности на пару. Так рис получался рассыпчатым и не слипался.

По заведённому в их доме порядку, Юй Пань должен был приготовить еду к возвращению старшего, чтобы тот мог сразу сесть за стол — так было бы эффективнее всего. Однако Шэнь Яньчжоу не позволял ему готовить. Сварить рис — это ещё куда ни шло, ведь процесс занимал много времени, и если бы они ждали его возвращения с работы, то на отдых времени бы совсем не осталось. Но жарить овощи или мясо подростку было строжайше запрещено.

Причина была проста: Шэнь Яньчжоу боялся, что, оказавшись у плиты, Юй Пань не сможет сдержаться. Говоря прямо — он опасался, что тот начнёт тайком пробовать еду в процессе готовки. Он беспокоился не о том, что мальчик останется голодным, а о том, что тот съест слишком много и ему станет плохо.

Дровяная печь давала сильный жар, и меньше чем за десять минут на столе уже стояли два блюда — одно мясное, другое овощное. На остаточном жаре Шэнь Яньчжоу поджарил ещё и пару яиц.

За столом Юй Пань подцепил палочками кусочек мяса, положил его на яйцо и отправил в рот, от удовольствия сощурился.

«Всё-таки твоя еда самая вкусная» — показал он Шэнь Яньчжоу.

Тот усмехнулся.

— Ешь помедленнее.

«Я и так медленно» — возразил Юй Пань, отправляя в рот очередной кусок.

Он говорил чистую правду: Шэнь Яньчжоу готовил восхитительно. Даже обычная каша с бататом в его руках превращалась в ароматное лакомство. Юй Паню казалось, что он готовит даже лучше, чем дядя и тётя Шэнь.

В глубине души он тут же извинился перед покойными: он вовсе не хотел сказать, что они готовят невкусно, просто у брата получалось ещё лучше.

После обеда Шэнь Яньчжоу убрал посуду и отжал всё ещё мокрое бельё во дворе. Затем наступило время послеполуденного сна.

Одеяло, высушенное на утреннем солнце, было мягким и пахло теплом. Юй Пань, устроившись в объятиях Шэнь Яньчжоу, заснул почти мгновенно. Вскоре и сам мужчина смежил веки.

Их сон прервали громкие крики с улицы. Прислушавшись, Шэнь Яньчжоу понял, в чём дело. Бабушка проклинала неизвестного негодяя, который с самого утра вздумал топить печь папоротником, из-за чего весь пепел осел на её свежестырированных одеялах.

Зимой в деревне Сишань солнце было редкостью, и в погожие дни все старались перестирать и просушить как можно больше вещей. Поэтому разводить огонь считалось дурным тоном — можно было испортить чужое бельё.

Шэнь Яньчжоу вдруг вспомнил об охапке папоротника у них в сарае.

Он опустил взгляд на Юй Паня, который спал, как поросёнок, и не удержался, чтобы не ущипнуть его за щёку.

— Ах ты, негодник.

Юй Пань проспал долго. Проснувшись, он увидел, что дверь в спальню прикрыта, и в комнате царит полумрак. На мгновение он потерял счёт времени, не понимая, утро сейчас или вечер. Поэтому, выйдя в гостиную и увидев Шэнь Яньчжоу, который сидел и плёл бамбуковую корзину, он даже вздрогнул от неожиданности.

Взглянув на настенные часы, он увидел, что было три часа дня. В это время брат должен был быть на работе.

Словно прочитав его мысли, тот, не прекращая работы и не поднимая головы, сказал:

— Я вчера обещал, что если будет солнечно, мы пойдём выбирать новогодние парные надписи. Сегодня погода хорошая, поэтому перед обедом я отпросился с работы.

Юй Пань нахмурился, пытаясь вспомнить. Кажется, вчера вечером, когда Шэнь Яньчжоу говорил с ним, он уже засыпал, но что-то такое действительно было.

Шэнь Яньчжоу и не ждал, что он вспомнит. Отложив плетение, он встал, снял рабочий фартук и указал на эмалированную кружку на столе.

— Выпей воды, скоро пойдём.

Юй Пань кивнул и, взяв кружку, сделал несколько глотков. Вода была приятной температуры.

Хотя деревня Сишань и называлась деревней, она была вдвое больше и многолюднее соседних. Несколько лет назад один предприниматель облюбовал здешние пустоши и построил фабрику фейерверков и петард.

Когда фабрика открылась, потребовались рабочие. В те времена у деревенских жителей не было постоянной работы, поэтому на объявление о найме сбежались люди со всей округи. Поскольку деревня Сишань была ближе всего к предприятию, многие рабочие обосновались именно здесь.

Со временем сюда перебрались целые семьи из других мест, дороги расширили, и даже появился небольшой рынок. Обычно он работал каждое пятнадцатое число по лунному календарю, но сейчас, в преддверии Нового года, торговцы разбивали свои палатки каждый день.

Когда Юй Пань допил воду, они взяли деньги и отправились за покупками.

Мальчик не любил выходить из дома. Когда дядя и тётя Шэнь были живы, он иногда гулял с ними после ужина. Но после их смерти он почти перестал выходить на улицу. Если только Шэнь Яньчжоу не вытаскивал его, он предпочитал сидеть дома и читать.

Зимнее послеполуденное солнце всё ещё грело. Юй Пань шёл рядом с братом. Едва они подошли к рынку, как увидели палатку, увешанную красными свитками.

Хозяин лавки, склонившись над столом, выводил иероглифы. Увидев их, он лишь бросил:

— Смотрите, что понравится — сниму.

Юй Пань стал внимательно разглядывать вывешенные надписи. Обойдя всю палатку, он так и не нашёл того, что искал, и потянул Шэнь Яньчжоу за рукав.

— Хозяин, — обратился тот, — нам нужно на заказ.

— На заказ — на пятьдесят центов дороже.

— Хорошо.

Торговец расстелил на столе новый лист красной бумаги и спросил:

— Что писать?

— «Весна наполнила мир, и распустились сто цветов; счастье пришло в наш двор, и воцарился покой на все четыре сезона».

Юй Пань крепче сжал руку Шэнь Яньчжоу. Эту надпись он видел каждый год с тех пор, как попал в их семью. Когда он был маленьким и не умел читать, он постоянно теребил старшего, спрашивая, что означают эти слова.

Тот, будучи тогда ещё школьником, объяснил ему просто:

— «Когда на земле наступает весна и цветут все цветы, в наш маленький дворик приходит счастье, и вся семья живёт в мире и покое круглый год».

Юй Пань запомнил это навсегда.

Во дворе раздался стук в калитку.

Юй Пань, выглянув в щель, увидел женщину средних лет с миской в руках. Он поспешил открыть.

— Ты Юй Пань? — спросила она.

Он кивнул.

— Я живу у подножия горы. Это твой брат просил передать, — женщина протянула ему еду.

Юй Пань моргнул, сбегал на кухню за большой фарфоровой чашкой и, вернувшись, показал жестом, переводя руку с одной миски на другую.

Женщина поняла его и переложила еду. Глядя на миловидного мальчика с ясными круглыми глазами, она не удержалась и, достав из кармана конфету, протянула ему.

«Брат передал ещё и конфету?» — удивился Юй Пань. Он только недавно ел молочную конфету, и Шэнь Яньчжоу обычно не разрешал ему много сладкого.

— Это для моих детей, держи, — улыбнулась женщина. — Можешь не возвращать миску, твой брат сказал, что заберёт завтра.

«Значит, это не от брата»

Юй Пань покачал головой, отказываясь от угощения, и несколько раз поклонился в знак благодарности. Проводив женщину взглядом, он закрыл калитку.

Глядя на еду в миске, Юй Пань понял, что, как и в прошлом году, с сегодняшнего дня и до самого кануна Нового года Шэнь Яньчжоу будет уходить рано утром и возвращаться поздно вечером. Он не сможет приходить на обед, и еду ему будут приносить другие.

Юй Пань вздохнул и невольно прижал ладонь к животу.

Там снова возникло знакомое, тупое, давящее чувство. Оно не было ни голодом, ни сытостью, но именно оно обременяло Шэнь Яньчжоу.

При этой мысли в нём вспыхнула внезапная ярость, и он несколько раз с силой ударил себя по животу.

Бесполезный желудок! Такой ненадёжный! Не можешь даже понять, голоден ты или сыт! А Шэнь Яньчжоу так занят, и ему ещё приходится об этом беспокоиться!

После вспышки гнева на него нахлынуло ещё более глубокое чувство бессилия. Он действительно ничего не мог сделать.

Когда Шэнь Яньчжоу только начал работать на фабрике, Юй Пань пытался плести бамбуковые корзины и продавать их на рынке. Местные жители знали их историю и, жалея братьев, иногда специально заказывали у него что-нибудь.

Но местные хулиганы, видя, что у мальчишки идёт торговля, начали к нему приставать. Купив корзину, они на следующий день требовали денег, утверждая, что она сломана. Если он отказывался платить, они не давали ему торговать.

Обычный человек мог бы поспорить, но Юй Пань был немым и не мог даже возразить. Ему пришлось отдать хулиганам оставшиеся корзины. Те тут же продали их и пригрозили, что если к следующему разу он не сплетёт десять новых, ему не поздоровится.

Когда Шэнь Яньчжоу вернулся с работы и узнал об этом, он в тот же вечер, взяв с собой мачете, отправился к дому обидчиков.

После этого он запретил Юй Паню торговать и велел сидеть дома и читать, пообещав, что позже отправит его в школу.

Позже деньги действительно появились, но в школу Юй Пань так и не пошёл, потому что к тому времени он оглох.

Глухота продлилась около двух месяцев. Шэнь Яньчжоу возил его по всем окрестным больницам. Неизвестно, какое лекарство помогло, но слух постепенно вернулся. В итоге Шэнь Яньчжоу купил учебники, и Юй Пань стал учиться дома.

Хотя всё это произошло всего пару лет назад, сейчас он чувствовал, словно это случилось в другой жизни.

В канун Нового года на фабрике петард был последний рабочий день перед праздниками, которые должны были продлиться до двенадцатого числа первого лунного месяца.

После обеда в столовой Шэнь Яньчжоу вымыл свою миску и поставил её на общую полку. Едва он вышел, как увидел Лю Вэя, стоявшего у входа в цех. Заметив юношу, тот махнул рукой.

— Сяо Чжоу, мне нужно кое-что обсудить с тобой, — Лю Вэй приобнял его за плечо и отвел под дерево в стороне. Его тон был нерешительным. — Фабрика недавно открыла филиал в Байси.

Дядя Лю потер руки и понизил голос:

— Там не хватает опытного мастера для смешивания пороха, чтобы обучать новичков. Масштаб небольшой, но платить будут на тридцать юаней больше, чем здесь. Я подумал... не хочешь ли ты поехать туда на время?

Шэнь Яньчжоу слушал, опустив глаза. Он рассеянно потирал пальцами истертый край рукава

своей куртки — это место стало мягким, и Юй Пань часто любил тереть его.

Когда Лю Вэй закончил, Шэнь Яньчжоу поднял взгляд. Дядя Лю смотрел в сторону, чувствуя себя неловко.

Байси находилось далеко от деревни Сишань. Дорога туда была неблизкой — два дня пути. Обучение учеников требовало много сил, поэтому другие старые мастера нашли повод отказаться.

— Хорошо, дядя, я поеду, — без колебаний ответил Шэнь Яньчжоу. — Когда отправляемся?

Лю Вэй не ожидал такого быстрого согласия. Он на мгновение замер, а затем расплылся в улыбке и хлопнул парня по спине:

— Я знал, что на тебя можно положиться! Весь в отца! Тогда я впишу твоё имя. Поедешь сразу после праздников.

Мужчина кивнул. Он остался стоять под деревом, глядя, как Лю Вэй легкой походкой идет к офису и исчезает за углом. Горный ветер обжигал холодом. Шэнь Яньчжоу коснулся мягкого края рукава. От частых прикосновений Юй Паня ткань здесь стала совсем гладкой. Напряжение внутри понемногу отпускало.

В памяти всплыли дни, когда случилась беда с родителями.

Он учился в старшей школе и жил в общежитии. Когда до него дошла весть, родителей не было в живых уже три дня. Вернувшись домой, он увидел лишь тела, накрытые тканью.

И Юй Паня, сидевшего рядом с ними с застывшим лицом. Соседи шептались, что мальчик все эти дни не ел, не спал и ни на что не реагировал.

Похороны прошли в тишине. И только в ночь после погребения Юй Пань словно очнулся — он прижался к брату, и слезы хлынули нескончаемым потоком.

Чтобы достойно похоронить родителей, они потратили почти все сбережения. Именно тогда Лю Вэй нашел его. Он привел его на фабрику и лично обучил искусству работы с порохом.

Этот долг благодарности Шэнь Яньчжоу должен был вернуть.